

Кузнецова Елена Николаевна

Kuznetsova Elena Nikolaevna

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
государственного и административного права,
юридический факультет, Самарский университет
*Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of State and Administrative Law,
Law Faculty, Samara University*
E-mail: kuznetsova_e_n@bk.ru

УДК 342.4

**ПРАВА, СВОБОДЫ И ОБЯЗАННОСТИ
В СОВЕТСКИХ КОНСТИТУЦИЯХ
RIGHTS, FREEDOMS AND OBLIGATIONS
IN THE SOVIET CONSTITUTIONS**

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, определившие специфику советских конституций; анализируются особенности, которые касаются конституционных прав, свобод и обязанностей советского периода российской истории; обосновывается формальный характер как данных прав и свобод, так и их гарантий; исследуются причины, в силу которых конституционные права, свободы и обязанности служили преимущественно государственным интересам.

Abstract. *The article discusses the factors that determined the specifics Soviet constitutions; analyzes the features that relate to the constitutional rights, freedoms and obligations of the Soviet period of Russian history; justifies the formal nature of both these rights and freedoms and their guarantees; the reasons why constitutional rights, freedoms and duties served primarily the state interests are investigated.*

Ключевые слова: конституция, закон, конституционные права, свободы и обязанности, гарантии конституционных прав и свобод, государство, советы, диктатура.

Keywords: *constitution, lex, constitutional rights, freedoms and duties, guarantees of constitutional rights and freedoms, state, councils, dictatorship.*

Споры о том, была ли в дореволюционной России конституция, можно ли расценивать в качестве таковой Основные законы Российской Империи 23 апреля 1906 г., продолжают до сих пор [1, с. 259–261]. Но вопрос о том, являлись ли конституциями нормативно-правовые акты советского периода с таким названием, возникает редко. Так, С.А. Денисов использует понятие ложных конституций, содержащих лишь видимость конституционных норм [2, с. 185]. Между тем основания для постановки вышеуказанного вопроса имеются. В частности, они связаны с правами, свободами и обязанностями, закрепленными этими актами.

Вряд ли кому не известны слова В.И. Ленина об уникальности первой советской Конституции, ее непохожести на известные миру, прозвучавшие на Чрезвычайном VI Всероссийском съезде Советов. Эта конституция «...не выдумана какой-нибудь комиссией, не сочинена юристами, не списана с других конституций. В мире не бывало таких конституций, как наша», – сказал партийный лидер. Из его выступления следовало, что особенности Конституции РСФСР 1918 г. определили «опыт борьбы и организации пролетарских масс против эксплуататоров и внутри страны, и во всем мире» [3, с. 147]. Указанным опытом были заданы классовое содержание данного акта и настолько особый конституционный путь, что возникает сомнение в самом наличии советских конституций.

Первая советская Конституция имела в виду прежде всего установление нового политического порядка: диктатуры «городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти» (ст. 9) [4]. Конституция, следовательно, недвусмысленно провозглашала диктаторский режим – в интересах и с опорой лишь на часть населения. Отсюда нетипичное для конституционного акта решение вопроса о правах, свободах и обязанностях.

В отличие от Свода законов Российской империи, согласно которому правовой статус подданных зависел от сословной, национальной, религиозной принадлежности, ст. 22 Конституции

1918 г. признавала «равные права за гражданами независимо от их расовой и национальной принадлежности», и объявляла «противоречащим основным законам Республики установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ на этом основании». Но о каких конкретно правах шла речь в Конституции? О таких, использование которых должно было обеспечить незыблемость советской власти, – о правах политических, связанных с участием в политической жизни и осуществлением государственной власти.

Название и принципы формирования новой власти, которая с самого начала была властью большевистской, дали органы, возникшие в ходе революционных событий. Свою роль в этом сыграл прозорливый политик В.И. Ленин, свидетельство чему – написанное в «Апрельских тезисах»: «Не парламентская республика, – возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад, – а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху» [5, с. 115].

Принцип выборности Советов «снизу доверху» представлял собой воплощение идеи классовой диктатуры. Всеобщее избирательное право отвергли как буржуазный предрассудок [6, с. 297]. Ст. 65, лишавшая права избирать и быть избранными в Советы, была сформулирована так, что в число «лишенцев» попадали не только явно одиозные для новой власти категории населения (служившие ранее в полиции, особом корпусе жандармов, охранных отделениях, члены дома Романовых, поставщики «опиума для народа»), но также и такие, без которых не могло функционировать материальное производство (предприниматели, торговцы, торговые и коммерческие посредники).

Помимо этого, Конституция закрепляла принцип неравенства выборов. Данный принцип вытекал из содержания ст. 53, посвященной порядку формирования съездов Советов. Неравные нормы представительства от городских и сельских избирателей преследовали цель не допустить преобладания в высших органах власти представителей сельских избирателей, среди которых большевики популярными не были. Дополнительные

возможности «фильтрации» кандидатов обеспечивало то, что выборы не всегда являлись прямыми [6, с. 297]. Названные принципы – свидетельство установки на реализацию идеи пролетарской диктатуры.

На идею пролетарской диктатуры «работало» и отсутствие единого порядка проведения выборов. Последнее следует из содержания ст. 66: «выборы производятся, согласно установившимся обычаям в дни, установленные местными Советами». Данная, а также иные статьи главы о производстве выборов, статьи главы о проверке и отмене выборов и об отзыве депутатов – свидетельство тому, что порядок выборов зависел от усмотрения местных советов. Особенности конституционной регламентации выборов в советы дали повод Б. Расселу утверждать, что они обеспечивали победу кандидатов от находившейся у власти партии так, как это не могла сделать «никакая мыслимая система свободных выборов» [7, с. 41–42].

Представление о режиме классовой диктатуры создавали статьи и о других политических правах и свободах, каждая из которых начиналась со слов: «В целях обеспечения за трудящимися...». Данным оборотом сопровождалось предоставление и «действительной свободы выражения своих мнений» (ст. 14); и «действительной свободы собраний» (ст. 15); и «действительной свободы союзов» (ст. 16). Кроме того, в каждой из указанных статей подчеркивалось, что государство гарантирует осуществление этих прав и свобод рабочему классу и крестьянской бедноте. Такая формулировка порождала проблему пользования правами и свободами теми, кто не принадлежал к рабочему классу и крестьянству.

Вместе с тем в число «лишенцев» могли попасть и последние, что следует из толкования ст. 23. Государство, говорилось в ней, «руководствуясь интересами рабочего класса в целом», могло лишать «отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции».

Симптоматично, что из личных прав Конституция провозглашала только свободу совести. Посвященная ей ст. 13 на-

чиналась подобно статьям о политических правах и свободах: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести...» Однако необходимо отметить и ее отличие от них в части круга субъектов, на которых она распространялась. Согласно названной статье, свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признавалась за всеми гражданами.

С идеей классовой диктатуры была связана и регламентация обязанностей. В этом плане стоит обратить внимание на конституционное принуждение к труду. Труд признавался обязанностью граждан Республики Советов согласно лозунгу: «Не трудящийся да не ест!» (ст. 18). Это соответствовало поставленной задаче уничтожения всякой эксплуатации человека человеком, беспощадного подавления эксплуататоров, в том числе «полного подавления буржуазии». Решение этих задач рассматривалось как необходимое условие «водворения социализма» (ст. 3, 9).

Обязанностью всех граждан Республики признавалась защита социалистического Отечества (ст. 19). Для охраны завоеваний великой революции (это ее название «работает» и сейчас) устанавливалась всеобщая воинская повинность – различная для трудящихся и «нетрудовых элементов»: почетное право защищать революцию с оружием в руках (и, следовательно, гибнуть за нее) предоставлялось только трудящимся; на нетрудовые элементы возлагалось отправление иных военных обязанностей.

Нормативно-правовой акт, который принято считать первой советской Конституцией, имел свои особенности. Последние заключались в том, что в значительной части это была политическая программа радикально настроенной части населения, представленная в виде государственного закона и направленная на переустройство несправедливого мира – прежде всего русского. Но идея законности в нем отсутствовала – что полностью отвечало ленинскому определению диктатуры: «Диктатура есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами. Революционная диктатура пролетариата есть власть, завоеванная и поддерживаемая насиле- ем пролетариата над буржуазией, власть, не связанная никакими законами» [8, с. 245].

Конституция СССР 1936 г., которую часто называют «сталинской», существенно отличалась от первой советской (в данной статье не рассматривается Конституция СССР 1924 г., поскольку она была посвящена образованию Союза ССР; не рассматривается и Конституция РСФСР 1925 г., принципы которой совпадали с принципами первой советской). Характеристика «сталинской» конституции как демократической основана на том, что в ней немало положений демократического характера [9, с. 27].

Решение политической задачи – победы в борьбе с эксплуататорами, которыми были объявлены прежде всего помещики и капиталисты (эта борьба, как известно, принимала различные формы – вплоть до физического уничтожения «бывших»), огосударствление средств производства, кардинально изменили социальную структуру. Поэтому использование Конституцией в отношении населения страны термина «трудящиеся» не случайно. Государство позиционировало себя в ней как «социалистическое государство рабочих и крестьян» [10, с. 228]. Можно предположить, что другие социальные группы – занятые в государственном аппарате, интеллигенция – подразумевались ст. 3, в которой говорилось о трудящихся «города и деревни».

Государство пошло навстречу изменившемуся обществу, предоставив всем гражданам одинаковые права, что признано подлинным новшеством Конституции даже теми, кто оценивает ее достаточно критически [11, с. 395–396; 12, с. 303]. Выборы в органы власти (теперь они именовались Советами депутатов трудящихся) стали всеобщими, равными, прямыми при тайном голосовании (гл. XI). На всех советских граждан Конституция распространила и другие политические права и свободы: свобода слова, печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций (ст. 125). Однако гарантировались они «в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя». Особо следует остановиться на праве на объединение. Содержание ст. 126 говорит о тенденции закрепить монополию на власть одной партии – Коммунистической – в качестве «руководящего» ядра не только обществен-

ных, но и государственных организаций. В предыдущих советских конституциях (первой советской, Конституции РСФСР 1925 г., Конституции СССР 1924 г.) о Коммунистической партии не упоминалось. По мнению Г.В. Вернадского, «легализация» коммунистической партии указывала на то, что она представляла собой постоянный национальный институт [11, с. 395].

Впервые в советской истории Конституция закрепляла за всеми советскими гражданами такие личные права, как: неприкосновенность личности – арест мог иметь место только по постановлению или с санкции прокурора (ст. 127); неприкосновенность жилища и тайна переписки (ст. 128).

В отличие от первой советской, Конституция СССР 1936 г. содержала также целый ряд социально-экономических прав. В ст. 118 говорилось о праве на труд. Правда, понималось оно своеобразно – как право на получение гарантированной работы. Права выбора, с которым связано субъективное право, и которое отличает его от обязанности, оно не предоставляло. Право на труд было превращено в обязанность трудиться, что соответствовало государственной установке видеть население страны исключительно в качестве «трудящихся» (ст. 12) [2, с. 187].

В число других социально-экономических прав, включение которых в Конституцию тоже являлось ее очевидным достижением, вошли: право на отдых; на материальное обеспечение в старости, в случае болезни и потери трудоспособности (ст. 119–120). Предусматривалось в Конституции и право на бесплатное образование – в связи с появлением возможности его гарантировать (ст. 121) [13, с. 67].

Иной политической обстановкой, существенными изменениями в социальной структуре объяснялось и новое в обязанностях (ст. 130–133). Ст. 130 возложила на граждан страны обязанность «соблюдать Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, исполнять законы». В этой статье отражена идея законности – в связи с утверждением новой, именуемой социалистической, социальной системы и отражением ее в законодательстве она становится востребованной. Идея законности отражена

и в ст. 112, 113, согласно которым следовать законам должны были также государственные органы и должностные лица.

В ст. 130 шла речь о необходимости «блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития». Эти формулировки дают информацию к размышлению о причинах их появления в Основном законе, в частности о том, как обстояло дело с материальной заинтересованностью в труде на государство. Любопытно и содержание ст. 131, в которой зафиксирована обязанность «беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность как священную и неприкосновенную основу советского строя». Посягавшие на эту собственность объявлялись «врагами народа». Если священное и неотъемлемое право частной собственности обеспечивает экономическую независимость индивида, экономическую, а следовательно, и политическую свободу, то «священная и неприкосновенная» социалистическая собственность их исключала. В условиях единства власти и собственности государственная организация существует не для народа, а для занятых в аппарате власти – «административного класса» [2, с. 195].

Иначе в новой Конституции решался и вопрос о военной службе. Демонстрируя доверие изменившемуся обществу, ставшему трудящимся народом, государство закрепило в ст. 132 всеобщую воинскую обязанность в качестве почетной для всех граждан.

Однако даже наличие демократических черт «сталинской» Конституции не устраняет сомнения в том, что это была конституция в собственном смысле. Используя конституционный опыт других стран, можно сослаться на французскую Декларацию прав человека и гражданина (принятую Учредительным собранием 26 августа 1789 г.). Согласно ст. 16 этой Декларации: «Общество, где не обеспечена гарантия прав и нет разделения властей, не имеет Конституции» [14].

Подготовка новой Конституции началась, когда страна, благодаря XX съезду партии, уже знала о том, что социалистическое государство способно уничтожать собственный народ.

С принятием нового Основного закона связывали надежды на невозможность повторения подобного.

В преамбуле Конституции СССР 1977 г. подчеркивалась преемственность идей и принципов прежних советских конституций [15, с. 446]. Это подтверждается содержанием глав о политической и экономической системах. М. Геллер и А. Некрич в связи с этим утверждают, что основной корпус «брежневской» Конституции взят из «сталинской» [16, с. 269 (761)].

Но сравнение Конституции 1977 г. с прежними говорит и о многих новеллах. Последние объединяла концепция общенародного государства – государства, где граждане наделены широким кругом прав и свобод: личных (гражданских), политических, социально-экономических, социально-культурных; где не только граждане несут ответственность перед государством, но и государство перед ними.

Статьи второго раздела Конституции, посвященного государству и личности, не только содержали целый ряд новых прав, но и усиливали их гарантии. Это была первая советская Конституция, установившая равенство перед законом независимо от происхождения, социального и имущественного положения, образования, отношения к религии, рода и характера занятий (ст. 34). Ее формулировка говорит об отказе государства от проводимой им ранее дифференцированной политики в отношении разных категорий населения.

Новеллы касались и личных прав граждан. О том, что граждане переставали быть «под колпаком» у государства, говорит содержание ст. 56, направленной на охрану личной жизни граждан, тайны телефонных переговоров и телеграфных сообщений.

Тенденцию расширения круга политических прав и свобод можно видеть в ст. 48 и 49, предоставивших гражданам право участвовать в управлении государственными и общественными делами, в обсуждении и принятии законов, решений общегосударственного и местного значения; право вносить в государственные и общественные организации предложения об улучшении их деятельности.

В качестве несомненного достижения новой Конституции обычно рассматривается предоставление таких социально-экономических и социально-культурных прав, как право на жилище (ст. 44), на пользование достижениями культуры (ст. 46), свобода научного, технического, художественного творчества (ст. 47).

В статьях Конституции 1977 г., посвященных политической системе, правам и свободам, видна тенденция к изменению порядка, в условиях которого государство обращалось с индивидом по своему усмотрению. Так, согласно ст. 4 государство и его органы должны были действовать на основе социалистической законности, обеспечивать охрану правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан. Однако гарантии осуществления прав и свобод (как и в Конституции СССР 1936 г.) связывались с социалистической системой [12, с. 270 (762)]. В силу ее экономических и политических особенностей, а также монополии на власть одной партии (в новой Конституции ее закрепляла ст. 6) этот порядок постоянно воспроизводился.

Были и другие обстоятельства, которые превращали права и свободы в формальные. Конституция 1977 г., как и предшествующие, не являлась актом прямого действия. В силу этого ряд провозглашенных в ней прав достаточно долго не мог быть реализован по причине отсутствия соответствующих процедур. Именно по этой причине в течение 10 лет не могло быть осуществлено право граждан обжаловать действия должностных лиц, государственных и общественных органов [6, с. 416]. Между тем это право касалось ответственности государства перед личностью.

Новая Конституция расширила круг не только прав, но и обязанностей.

В их число были включены: обязанность оберегать интересы Советского государства (ст. 162); уважать национальное достоинство других граждан (ст. 64); уважать права и законные интересы других лиц, содействовать охране общественного порядка (ст. 65); беречь природу (ст. 67). В них нашли отражение

различные идеи, в том числе идея народовластия, идея законности; нашло отражение и осознание того, какая опасность для природы таится в современной цивилизации.

История конституционных прав, свобод и обязанностей советского периода – это не история борьбы за права, не история закрепления в Основном законе естественных прав человека и охраны их государством. Это история прав и свобод, дарованных государством. Определяя круг конституционных прав, свобод и обязанностей, Советское государство исходило из своих интересов и своего видения желаемого населения – сначала это были пролетариат и беднейшее крестьянство, затем – трудящиеся, и только содержание Конституции СССР 1977 г. говорит, что таковым стал весь народ. Более того, Конституция провозгласила принцип народовластия «*Вся власть в СССР принадлежит народу*» (ст. 2). Но другие статьи Конституции свидетельствуют о сохранении прежней модели государственной власти, несовместимой с народовластием и не имеющей правовых ограничений. Поэтому даже демократические черты «*сталинской*» Конституции и демократизм «*брежневской*» вряд ли позволяют говорить о появлении в советский период конституций в собственном смысле, скорее это были «*квази-конституции*».

Права же и свободы представляли скорее «*квази-права и квази-свободы*», поскольку формальными являлись как они, так и их гарантии.

1. См., например, об этом: Кузнецова, Е.Н. Конституционная преемственность и конституционная перспектива / Е.Н. Кузнецова // Конституция и демократия: взгляд в будущее. К 20-летию Конституции и избирательной системы Российской Федерации. IX Международная научно-практическая конференция (Самара, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Материалы и доклады. – Самара, 2013. – С. 256–266.

2. Денисов, С.А. Реальное государственное право современной России: монография: в 3 т. Т. 1. / С.А. Денисов. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2015. – 348 с.

3. Ленин, В.И. Речь о годовщине революции 6 ноября / В.И. Ленин // полн. собр. соч. 5-е изд. – Т. 37. – С. 137–153.

4. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Постановление V Всероссийского съезда Советов, принятое в заседании от 10 июля 1918 г. // Декреты Советской власти. – Т. II. – Москва, 1959. – С. 550–564.

5. Ленин, В.И. О задачах пролетариата в данной революции / В.И. Ленин // полн. собр. соч. – 5-е изд. – Т. 31. – С. 113–118.

6. См.: Лаптева, Л.Е. История отечественного государства и права: учебник для академического бакалавриата / Л.Е. Лаптева, В.В. Медведев, М.Ю. Пахалов: отв. ред. Л.Е. Лаптева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2015. – 493 с.

7. Рассел, Б. Практика и теория большевизма / Б. Рассел; перевод с английского издания 1920 г. – Москва, 1991. – 128 с.

8. Ленин, В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский: полн. собр. соч. / В.И. Ленин. – 5-е изд. – Т. 37. – С. 235–338.

9. См.: Топорнин, Б.Н. Конституция в социалистическом правовом государстве / Б.Н. Топорнин // Социалистическое правовое государство. Проблемы и суждения. – Москва, 1989. – С. 24–45.

10. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических республик. Утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда советов Союза Советских Социалистических республик 5 декабря 1936 г. // Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917–1991 гг. – Москва: Зерцало, 1997. – С. 228–246.

11. См.: Вернадский, Г.В. Русская история / Вернадский Г.В. – Москва, 1997. – 544 с.

12. Геллер, М. История России 1917–1995. В 4 томах. Т. 1 / М. Геллер, А. Некрич. – Москва, 1996. – 500 с.

13. См.: Чистяков, О.И. Конституция РСФСР 1918 г. / О.И. Чистяков. – Москва, 1984. – 206 с.

14. Французская Республика: Конституция и законодательные акты. – Москва, 1989. – С. 26–29.

15. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной 7-й сессии Верховного Совета СССР IX созыва 7 октября 1977 г. // Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917–1991 гг. – С. 444–479.

16. Геллер, М. История России 1917–1995. В 4 томах. Т. 2 / М. Геллер, А. Некрич. – Москва, 1996. – 432 с.